

Ярославский УНИВЕРСИТЕТ

Орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и профкома студентов Ярославского государственного университета

Издаётся с 1986 года | № 14 (236—237) | СРЕДА, 2 октября 1991 года | Выходит один раз в 2 недели | Цена 2 коп.

Попутного ветра всем, вступившим на Корабль Знаний

Из актов речи ректора ЯГУ профессора Г. С. МИРОНОВА на торжественном собрании по случаю посвящения первокурсники, состоявшемся в первых числах сентября

ДОРОГИЕ друзья, коллеги! Дорогие студенты-первокурсники! Сегодня в жизни коллектива университета знаменательный, радостный и торжественный день. Завершился период волнений и тревог, закончен первый трудный испытательный участок пути, с которым вы успешно справились. В нелегкой конкурсной борьбе победили лучшие, самые знающие, самые работоспособные и настойчивые. Разрешите мне от имени ректората, профессорско-преподавательского коллектива, всех сотрудников университета горячо и сердечно поздравить всех вас с зачислением в Ярославский государственный университет и присоединением вам высокого звания студента.

нашу страну, но и весь мир. Наступил день великого перелома, день подлинной революции, которая произошла наконец-то в нашей стране, в России. Этот день открыл теперь прямую дорогу к подлинному изменению общества, к развязке самых тугих узлов нашей жизни.

Вступив в пору глубоких преобразований, страна как никогда ранее нуждается в образованных и культурных людях с активной гражданской позицией.

НРАВСТВЕННОСТЬ — цель науки. Она зиждется на традициях, неписанной этике и морали. Честность, порядочность, принципиальность всегда были органически присущи лучшим представителям российской интеллигенции.

Сейчас мы заново осмысливаем многие явления нашей жизни. И именно интеллигенция должна взять на себя нелегкую ношу нравственного, духовного возрождения как себя, так и общества. Это ее

долг, обязанность, предназначение.

Зарубежные специалисты в свое время провели исследования систем образования, существовавших у разных народов в разные времена. Оказалось, что системы лучше, чем та, которая существовала в Царском селем лице человека не придумало. В самом деле, вспомним его выпускников: Пушкина, Кюхельбекера, Данзаса, Дельвига, Пушкина. Блестящая плеяда!

ОДНО из главных достоинств образовательной системы прошлого — начала нынешнего веков — в ее сильнейшей гуманистической направленности. Для представителя этой системы прежде всего было просто необходимо знать языки, литературу, разбираться в живописи, искусстве. Такое воспитание влияло и развивало чисто человеческие качества: патриотизм, порядочность, умение соперничать, отличать добро от зла. И уже на этом гуманистиче-

ском фундаменте впоследствии прорастали специалисты узких направлений — ученые, инженеры, деловые люди. Знакомство с общечеловеческими ценностями позволяло им гораздо объемнее, шире, глубже воспринимать окружающий мир. Сегодня наше образование мы должны самым активным образом разворачивать к гуманистическим началам. Воспитывать в первую очередь граждан, патриотов своей страны, а уже потом специалистов.

Помните афоризм: «Ученик — не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь».

СЕЙЧАС университет располагает солидной материально-технической базой, лаборатории кафедр оснащены современным оборудованием, позволяющим проводить учебный процесс и научные исследования на весьма высоком уровне. В связи с последними указами Президента России Б. Н. Ельцина ректорат университета обратился в областной и городской Советы народных депутатов, к представителям президента В. Г. Варухину с просьбой передать университету здание бывшего Дома политпроса на ул. Собинова и строящееся здание КГБ по ул. Советской. Весь коллектив университета надеется на положительное решение этого вопроса. И я думаю, что вы активно поддержите нас в этом деле. В

этом году мы заканчиваем проектирование комплекса общежитий с профилакторием и культурным центром, студенческой столовой и спортивным залом.

С ПРОШЛОГО года мы активно стали сотрудничать с вузами США, Германии и Франции. Первые пять наших студентов в течение года обучались в Стоунхилл-колледже. На днях уже десять наших студентов выехали на учебу в США на новый учебный год. Такие же возможности в ближайшее время получат наши студенты, изучающие немецкий и французский языки. Надеюсь, что в борьбу за право поучиться в вузах самых развитых стран вы включитесь с первого дня учебы.

Нужно учесть, и уже с первых шагов вы это почувствуете, что имеется существенная разница в методике обучения в средней школе и в высшем учебном заведении. В университете вас будут реже спрашивать, но это не значит, что не нужно систематически работать над изучаемыми дисциплинами. Только систематическая, напряженная, каждодневная работа может принести желаемые положительные результаты. Это необходимо усвоить с самого первого дня учебы.

БЕРЕГИТЕ честь студента Ярославского государственного университета, его традиции, будьте его достойными представителями.

— Александр Владимирович, с каким настроением вы начали новый учебный год?

— Я бы сказал — с неопределенным, потому что до сих пор не понятно, что нас ждет впереди: с одной стороны, наши выпускники, вне всякого сомнения, без работы не останутся, а с другой, мы, начиная с этого года, не можем обеспечить их работой.

Дело в том, что на наших специалистов спрос огромный: никто не остается без работы, но если спрашивать представителей администрации того или иного предприятия: нужны ли вам наши выпускники, то ответ зачастую бывает отрицательный. Спросите, чем это объясняется? На мой взгляд, компьютеры в нашей стране — это, если хотите, дань моде, они играют роль валюты сегодня. Эта техника пока не стала неотъемлемой частью нашей промышленности, экономики, жизни, не вошла в плоть и кровь как средство, ведущее к совершенствованию производства.

— Компьютеры? Это, конечно, очень хорошо, но в совершенствовании производства они играют второстепенную роль, батенька! Такой сегодня уровень сознания. Оно, как мы затвердили с детства, определяется бытием. А из этого бытия и выливается самое что ни на есть существенный фактик: стоимость компьютерного оборудования у нас в несколько раз превышает стоимость рабочей силы и потому директору любого производства выгоднее нанять штат бухгалтеров, чем установить компьютерное оборудование. Та-

кова реальность. Поэтому с большим интересом ждем, когда наша экономика повернется лицом к прогрессу.

— В чем вы видите свою задачу в этой ситуации?

— Свою главную задачу я вижу в том, чтобы обеспечить студентам хотя бы хорошие знания. Одним из действенных средств для достижения этой цели считаю повышение требовательности к студенту. Зачастую это выражается в мерах для них неприятных. Так, например, количество отчислений в этом году резко увеличилось, особенно летом, когда бывает достаточно много студентов, не сдавших вовремя свои «хвосты».

— Что дали вашему факультету шесть с небольшим лет перестройки и гласности?

— Пожалуй, только то, что стало больше возможностей. В частности, сегодня значительная часть студентов имеет работу, связанную со своей прямой специальностью, что в недавнем прошлом было практически невозможным, и большая часть студентов подвизалась в основном в качестве сторожей. А что касается гласности, то это не по нашему ведомству — у нас не гуманитарный факультет.

— Александр Владимирович, насколько образовательные потребности студентов удовлетворяются в стенах вашего факультета?

— По моему мнению, образовательные потребности студентов у нас удовлетворяются не в полной мере и происходит это по нескольким причинам. Среди главных я бы назвал нищевскую материальную базу, недостаточную квалификацию преподавателей и, чего греха таить,

— невозможный культурный уровень самих студентов, что очень бросается в глаза на нашем факультете. Все эти причины взаимосвязаны: например, кто из преподавателей высокой квалификации прельстится такой зарплатой, о которой можно сказать, что она ниже всякой критики, или свяжет свою судьбу с организацией, материальная база которой не позволяет приобрести ни достойного для его работы оборудования и в нужном количестве, ни послать его на стажировку за границу. Из нашей же бедности вытекает и еще одна проблема: преподаватели не имеют стимулов к повышению квалификации, особенно в научной области.

И все это вместе взятое отрицательно сказывается на имидже преподавателя высшей школы. Я еще помню времена, когда защита диссертации значительно влияла на повышение престижа. Сейчас же ни молодые, ни опытные преподаватели к этому не стремятся, так как затраты велики, а результаты ничтожны. Значительно выгоднее заняться коммерческой деятельностью, куда и устремляется большинство первокурсных специалистов.

— В продолжение вашей мысли, что же несет потеря престижа преподавателя высшей школы?

— Прежде всего, потерю умных голов. От того, что не котировался сегодня человек науки, не престижна и преподавательская работа среди студентов, и как результат, лучшие из них сегодня уходят в основном в коммерческую деятельность.

— Как осуществляется связь

Интервью в номер. С ШАПКОЙ — ПО КРУГУ

— В гостях у редакции — декан факультета ИВТ А. В. ЗАФИВСКИЙ

учебного процесса с производством, практикой?

— Связь у нас достаточно тесная и арифметически она выглядит так: на факультете около 40 ставок, из них около 25 сотрудников работают на полную ставку. На оставшихся 15 ставках мы приглашаем практических работников, специалистов из разных организаций. Кроме того, сегодня наблюдается и обратный процесс, когда наши преподаватели устраиваются по совместительству в организации нашего профиля.

— Какие шаги, на ваш взгляд, необходимо предпринять для того, чтобы факультет вышел на новый виток развития, более соответствующий требованиям сегодняшнего дня?

— С моей точки зрения, необходимо преобразовать наш факультет в частичное коммерческое предприятие. Это предполагает два источника доходов: государственный и договорный. Чтобы выйти на государственное финансирование, нам необходимо обеспечить высокий уровень подготовки студентов.

С другой стороны, нужно в корне изменить отношение к договорам, так как они могут стать хорошим подспорьем и существенным дополнением к государственному финансированию и принести желанную добавку к зарплате преподавателей.

— Какие формы деятельности, связанные с предстоящими рыночными отношениями, вы считаете наиболее полезными для факультета?

— Прежде всего, это развитие коммерческих начал в ближайшие 10 лет с тем, чтобы поддержать преподавателей и учебный процесс на должном уровне в переходный период. А если иметь в виду более далекую перспективу, то это деятельность, связанная с подготовкой людей к работе и жизни в том обществе, к которому мы стремимся. И в этом случае, без спонсоров нам не обойтись. Я думаю, что будущее университета и нашего факультета, в частности, связано с наличием частных фондов, так как мы тоже вносим вклад в повышение культуры общества. Но это достаточно далекая перспектива. Она — в том времени, когда предпринимательский корпус будет твердо стоять на ногах, когда будет много богатых людей и фирм, для которых станет престижным и выгодным делом вкладывать свой капитал в культуру и образование.

— Что бы вы хотели пожелать студентам в новом учебном году?

— Углублять и расширять свои знания, причем не только с помощью преподавателей.

Международные связи

Советские студенты в Америке

Предлагаем вашему вниманию материал Карен Д. О'Маллей из журнала Стоунхилл колледжа «Алumni магазин»

Работа над развитием международных образовательных программ для студентов в целях поощрения установления добрых отношений и взаимопонимания между людьми разных культур, требует самоотверженности, преданности и настойчивости как со стороны организаций, так и от людей, занятых этим благородным делом. Задача может показаться и трудной, и требующей больших затрат времени.

Новая программа, принятая совместно Стоунхилл-колледжем и Ярославским государственным университетом, с которой вы могли познакомиться в одном из номеров «Алumni магазин» за прошлое лето, являет собой пример такого рода культурного обмена. Это, в основном, стало возможным благодаря щедрым вкладам друга и благодетеля Стоунхилл-колледжа Стантона В. Дэвиса, перешедшего солидные средства на поддержание программы.

Этап первого года включал в себя обучение группы советских студентов, для которых год учебы в Стоунхилле завершился успешно; группу из 9 студентов Стоунхилл-колледжа, которые прошли курс интенсивной подготовки по русскому языку в Ярославском государственном университете, а также обмен преподавателями обоих вузов.

В сентябре прошлого года после немалого более чем 4-х часовой дороги из Ярославля до московского аэропорта, девятичасового перелета до Нью-Йоркского международного аэропорта им. Джона Ф. Кеннеди и еще 4,5 часов дороги из Нью-Йорка на северо-восток, пятеро советских студентов прибыли в Стоунхилл, чтобы открыть одну из наиболее запоминающихся и волнующих страниц в своей жизни.

У них не было до этого никакой возможности подготовиться к требованиям жизни и учебы в Америке.

Студенты Наташа Устинова, Елена Гаврикова, Александр Никифоров, Алексей Струнин и Вероника Никифорова являлись первыми, кто принял участие в новой программе. Они были уверены, что проведут в Стоунхилле всего один семестр. Они никак не ожидали, что адаптация к чуждой им культуре, несмотря на все ее сложности, будет легкой. Но вскоре они сделали для себя открытие: пребывание в Америке оправдало их надежды в гораздо большей степени, чем они когда-либо мечтали...

Дорога, на которую вступила общечеловеческая Стоунхилл и ярославские студенты, прошедшие здесь целый год, была новой и неизведанной.

Советские студенты быстро освоились с огромным энтузиазмом взялись за дело. Администрация и преподаватели на факультетах обоих вузов тепло встретили студентов,

приславших по обмену. Были задействованы все вузовские структуры. Однако все это не могло ослабить воздействия «культурного шока».

В ходе учебы стало очевидно, что для этой группы студентов одного семестра недостаточно для полноценного вхождения в американский учебный процесс. Официальные лица обоих вузов вскоре поняли, что в интересах студентов и дальнейшего совершенствования программы обмена, будет лучше продлить период учебы до года. Без сомнения, это обогатило опыт научно-учебной работы, возможности знакомства с культурой и способствовало укреплению дружбы между американскими и советскими студентами.

Студенты в середине мая вернулись в Ярославль с более глубоким знанием культурной традиции Америки и с более крепким чувством товарищества с американскими сокурсниками.

В научном плане дела студентов шли исключительно хорошо в немалой степени благодаря долгим часам, проведенным за учебниками, и помощи со стороны профессоров и сокурсников.

В дополнение к полным курсовым нагрузкам студенты выполняли научно-исследовательские работы, выступали перед различными группами общественности, включая детей начальной школы, с рассказами о жизни в Советском Союзе и принимали активное участие в жизни колледжа.

Перед своим возвращением домой трое советских студентов — Наталья, Саша и Елена — поделились своими впечатлениями о колледже и предложили ряд советов последующим группам студентов — тем из их ровесников, кто собирается приехать в Америку, а также студентам Стоунхилл-колледжа, намеревающимся поехать в их страну.

Что касается наших гостей,

то их пребывание выявило несколько аспектов, затруднявших их адаптацию к жизни американского колледжа. Наиболее очевидное из них, такое, как «языковые различия», явилось причиной гораздо больших затруднений, чем ожидалось вначале. Также и различие культур замедлило установление дружеских контактов и социальную адаптацию. Но так как их способность к постижению английского языка была хорошей, то задача говорить на английском и научиться думать и записывать свои мысли по-английски оказалась посильной. Из этого было только частью проблемы, потому что некоторые оттенки слов, так понятные нам, американцам, часто ускользали от внимания студентов, так что даже чтение простейших документов приводило их в замешательство, вызывая затруднения.

Год усиленных занятий как над литературным английским, так и над разговорным дал свои плоды: студенты почувствовали, что языковые трудности ушли в прошлое. Как сказал Александр, специализирующийся по истории: «Язык является наибольшей трудностью, так как гораздо сложнее говорить и писать на языке, чем понимать кого-то из говорящих. Еще большую трудность, чем язык представляло собой установление дружеских контактов с американскими студентами. Не пренебрегайте разницы в культуре общения, очень трудно стать друзьями. Занятия в течение всего учебного года дали возможность преодолеть многое из того, что нас разъединяло, и завязать устойчивые дружеские связи».

Среди наиболее положительных аспектов их теоретического и практического опыта, подчеркнутого за время учебы и проживания в Америке, студенты называли богатство университетских свобод, открывшихся перед ними, таких как: право самим выбирать курсы и личный контакт с про-

фессорами. Они отмечали, что профессорско-преподавательский состав Стоунхилла был намного ближе к студентам, чем их профессора в Ярославле. На них также большое впечатление произвело качество общеситий в Стоунхилле, и все трое согласилось с тем, что встречи и беседы с американскими людьми на неформальной основе были также полезны, как и научные.

Особенно большое удовольствие получили они от предоставленной им возможности посетить несколько исторических достопримечательностей в таких городах как: Чикаго, Вашингтон, Нью-Йорк и т. д.

В ходе беседы студенты подчеркнули, что в Советском Союзе они следуют единому учебному плану, начиная с первого года обучения, когда они должны выбрать свой основной курс. Излишне говорить, насколько волнующей перспективой для них стала возможность выбирать курсы самим. И Наталья (специальность «Уголовное право»), и Елена (специальность «Психология»), закончившие свой последний курс, выбрали несколько курсов сверх их специальности Саша, только что закончивший свой первый год и вначале очень беспокоившийся по поводу того, как языковые различия повлияют на его учебу в Стоунхилле, решил не выходить при выборе курсов за пределы своей специальности.

Наталья, жившая в течение всего года в Боланд Холле, сказала, что она закончит университет в следующем году. Она отметила определенную ограниченность, узость советской системы изучения закона и более широкий подход к нему американцев. Она сказала: «Студенты в Советском Союзе должны изучать различные курсы, чтобы совершенствовать свое знание специальности. Я хотела бы видеть более широкую трактовку закона в Советском Союзе. У нас, в Союзе, все сводится к

юриспруденции, в то время, как в Америке, принято социологически - психологическое толкование основ права».

Согласившись с ней, Саша развил эту мысль дальше: «В Советском Союзе учебные курсы утверждаются. После учебы здесь, я привезу домой и желание выбирать. Кроме того, учеба в Стоунхилле и жизнь в Америке, даже и за столь короткий период времени, заметно облегчит для меня изучение истории Соединенных Штатов Америки. Психологически, я стал более активным в своем отношении к жизни и постараюсь сохранить это свойство. Обычно нас, дома, люди следуют стандартным образцам и моделям поведения. Американцы же выбирают различные дороги и это хорошо. Я тоже хочу иметь право выбора».

Елена, жившая в течение всего года в Катин Холле, планирует закончить учебу на факультете психологии в следующем году. Она, в частности, сказала: «Я считаю, что обучение в Стоунхилле с использованием различных курсов, не применяемых в Советском Союзе, в конечном счете значительно облегчит мне дальнейшее обучение».

Студенты из России имели возможность обменяться своими мнениями и советами относительно программы с девятью стоунхилльскими студентами, вернувшимися из поездки по Советскому Союзу, состоявшейся в течение июня, главной целью которой было интенсивное изучение русского языка, истории и литературы. Стоунхилльские студенты, учившиеся в Ярославле, жили на квартирах советских студентов и их семей. Николь Галлант, одна из тех, кто приехала в Ярославль в июне и жила в семье Натальи, сказала: «Те советские студенты, которых мы видим сегодня в Стоунхилле, действительно обогатили наше пребывание в Советском Союзе уникальным опытом».

Ожидается, что стоунхилльские студенты поедут в Ярославль учиться на полный семестр приблизительно в 1993 году.

В дополнение к обмену студентами программа включает также элементы обмена профессорско-преподавательским составом. Так, в феврале этого года профессор Валерий Томашов из Ярославского государственного университета читал в Стоунхилле курс по истории русского искусства. В мае ассистент профессора современных языков Стоунхилле Джон Д. Голден съездил в «Советский Союз для проведения семинара в Ярославском педагогическом институте на тему «Краткий обзор художественных произведений Клейста, Флобера, Гоголя».

Перевод подготовила Д. ТАНИНА.

Для тех, кто хочет знать

Кто придумал компьютер

—Довоенные и военные разработки

К середине 30-х годов математика и техника уже достигли того уровня, чтобы создавать прототипы первых программируемых вычислительных устройств. Пионером в области создания электро-механических вычислительных машин стал немец Конрад Цузе, живший в Берлине. Устроившись в 1936 году в гостиной дома своих родителей, он через 2 года сконструировал машину (1. Машина имела клавиатуру для ввода данных, результат высвечивался на панели с множеством лампочек. В новой модели. 2. Цузе заменил клавиатуру устройством ввода с перфоленки, которую он делал из 35-миллиметровой киноплёнки. В основу работы этих машин была положена двоичная система. Хотя Цузе не был знаком ни с работами Баббиджа, ни с логикой Буля, ни с идеями Шеннона, Атанасоффа и Стибиджа.

В 1939 году началась вторая мировая война, и работы по

созданию новых средств вычислительной техники значительно ускорились. Фирма ИБМ решила создать компьютер, основанный на идеях Баббиджа. Такая машина была построена к началу 1943 года под руководством профессора Гарвардского университета Роберта Эйкена. В основе ее работы были электро-механические реле и десятичная система счисления. Машина, названная «Марк-1», на сложение двух 23-разрядных чисел тратила 0,3 с, а на умножение — 3 с. Исполнялась она для расчетов баллистических таблиц, применяемых в артиллерии.

В Германии в 1941 году

Конрад Цузе в той же гостиной родительского дома построил компьютер 3, программно-управляемое устройство с двоичной системой счисления. Машина 3 была меньше машины Эйкена и дешевле в производстве, 3 и ее приемник 4 использовались для расчетов в конструировании самолетов и ракет. В 1942 году Цузе и австрийский инженер Хельмут Шрайер задумали создать компьютер, в котором вместо электро-механических реле использовались бы электронные вакуумные лампы. В качестве применения будущей машины Цузе и Шрайер видели расшифровку секретных радиосообщений. Од-

нако, Гитлер, уверенный в скорой победе, наложил запрет на все долговременные научные разработки.

Не оставалась в стороне от работ по созданию компьютеров и Англия. В 1943 году в Англии была построена машина «Колосс», предназначенная для расшифровки шифрованных сообщений (всприятельных машин). Машина была построена на электронных лампах. В группу по разработке машины входил и талантливый ученый Алан Тьюринг. Этот выдающийся молодой человек, не веривший в Бога, провсравивший свои часы не по сигналам точного времени, а по положению звезд, сдвигавший на работу на

велосипеде, надевая противогаз, чтобы избежать аллергии в период цветения трав, в 1936 году, будучи студентом, в возрасте 24 лет написал работу, в которой рассмотрел гипотетическое вычислительное устройство — прообраз современного программируемого компьютера. Это устройство впоследствии так и назвали — «машина Тьюринга». После войны Тьюринг продолжал работать над новыми проектами компьютеров, занимался проблемами искусственного интеллекта. В 1953 году, в возрасте 41 года, он покончил с собой, приняв цианистый калий.

А в Соединенных Штатах с апреля 1943 года начала работать группа под руководством молодых ученых и изобретателей Джона Мочли и Дж. П. Экерта по созданию первой электронной вычислительной машины «Эниак».

(Продолжение следует)

АЗАРЕВИЧ Дмитрий Иванович — специалист в области римского и византийского права, выпускник юридического факультета Петербургского университета.

В 1872 году он защитил магистерскую диссертацию «О различии между опекою и попечительством по римскому праву». Длительное время находился в заграничной командировке с ученой целью.

С 1876 по 1882 гг. преподавал римское право в Демидовском юридическом лицее (г. Ярославль). В 1876 году ему присуждена ученая степень доктора гражданского права за историко-юридическое исследование «Патриции и плебей в Риме». Занимал кафедры римского и гражданского права в Новороссийском и Варшавском университетах.

В главном своем труде «Патриции и плебей в Риме» Азаревич проводит историко-догматическое исследование понятия плебеса и патрицианства. Без выяснения этого вопроса, по глубокому убеждению автора, нельзя познать римской истории, представить общую картину римского общества. Азаревич обращает внимание на отсутствие в

многочисленных работах историков и юристов древности исчерпывающей характеристики правового положения патрициев и плебеев. Некоторые, например Дионисий, ограничивались лишь противопоставлением патрициев плебесам, другие (Фест) называли плебеями всех, кто не был патрицием или сенатором, третьи (Ливий) полагали, что патриции — потомки сенаторов, четвертые высказывали предположение о переселении пришельцев, получивших в отличие от коренных римлян, название плебеса. Неприемлемой, по мнению Азаревича, была бы и попытка применения сравнительного метода исследования из-за полного отсутствия данных о характере аристократических сословий соседних с Римом народов «Я не знаю писателя, — отмечает Азаревич, — который рискнул бы объявить малейшее недоразумение в вопросе характеристики других патрициев характером аристократических сословий в другой какой-либо стране». Таким образом, как общие определения, так и терминология, по словам автора книги, свидетельствовали «о полном непонимании сущности древнейшего патрицианства и плебеса».

Азаревич находит весьма оригинальным, причем преимущественно юридический способ поиска истины. «Основное различие в положении патрициев и плебеев, — решается он, — следует искать в государственном праве. Различие по государственному праву необходимо должно было влечь за собою различие по гражданскому праву». Совокупность государственных прав в Древнем Риме выражалась в праве участия в высшей государственной власти, для чего употреблялись два понятия — право голоса и право на занятие государственной должности.

Во времена республиканского Рима признавался суверенитет народа. Вся внешняя и внутренняя деятельность Рима совершалась именем народа. Таким образом, чтобы определить отношения патрициев и плебеев, необходимо было выяснит, какое влияние имели те и другие на выражение высшей государственной власти, воли народного собрания. Ученый приводит убедительные данные об участии в высшей государственной власти с равными правами как патриция, так и плебей. Патриции юридически не имели преимуществ перед плебеями. Азаревич подчеркивает, что «по праву плебей ничем не отличались от патрициев, ни в народном собрании, ни в доступе к государственным должностям. Мало того, в народных собраниях плебей имели положительное преимуще-

ство перед патрициями...» История не знает также ни одного конфликта между собраниями по цензурным и трибам, несмотря на то, что в трибах преобладали патриции, а в цензурах участвовали и плебей. Как отмечает ученый, «начало обособления так называемых патрицииских родов лежит в происхождении от сенаторов. Лица эти носили название или просто патрицев, то есть таких лиц, которые считали в числе своих предков одного в достояние патера, а не вообще имущих предков». Быть патером означало принимать участие в высшем органе власти, а обирим выражением патерства было сенаторство. Сенатором же мог стать и плебей, и он сразу же после избрания становился основателем патрицианского рода, и не требовался никакого другого акта.

В процессе исследования государственного права Древнего Рима Азаревич убеждается в том, что «происхождение патрицианства условно-

собранию, а только со временем развился народный суверенитет, выразившийся в отпадении рассматриваемых функций государственной власти».

И все-таки законодательная власть в Риме принадлежала исключительно народному собранию, без выражения воли которого гражданина не могли предать тяжчайшим наказаниям (смерти или ослеплению).

Республиканская борьба, таким образом, в книге Д. Азаревича рассматривается не только как борьба патрициев с плебеями, она гораздо сложнее и объемнее последняя, хотя тесно взаимосвязана с ней, а потому и исследуется вместе с самым важным вопросом римской истории.

В 1976—1977 гг. Д. Азаревич издает двухтомное сочинение «История византийского права», где подробно исследованы как внешняя, так и внутренняя история греко-римского права. Под первой автор подразумевает историю

подчеркивает Азаревич, мы разумеем римское право, мы разумеем особенностями византийского элемента».

В работе Азаревича содержится характеристика права трех периодов его истории: 1) от законченного законодательства Юстиниана до воцарения Македонской династии (534—867 гг.); 2) от 867 до 1543 гг. (до завоевания Константинополя турками); 3) от 1453 до времени жизни автора. Азаревич выражает несогласие с теми учеными, которые полагают, будто история византийского права завершается турецким завоеванием. Он поддерживает мнение Цахариз, который, по выражению ученого, правильно подметил, что будет грубой ошибкой полагать, будто правовой строй покоренных турками провинций составляет продукт собственно турецкого творчества. Турки только наследовали византийский порядок.

В праве Юстиниана, как подчеркивает Азаревич, византийские черты не прояв-

ются так резко, как в последующие периоды истории. Автор вовсе не склонен связывать начало истории Византии с такими фактами, как основание Константинополя и объявление христианства религией, полагая, что «черной страницей от Августа до Диоклетиана служит развитием этой новой государственной системы». Вся законодательная деятельность Византии группируется, по мысли ученого, вокруг двух великих памятников — законодательства Юстиниана и Василия с предшествовавшими им трудами. Между ними же лежит упадок права. «Только в долгое царствование Юстиниана, — пишет Азаревич, — выработался во всех отраслях внешнего и внутреннего управления тот характер византийского цезаризма, который оставался за ним до конца, и который мог служить, и действительно служил выражением известного типа государственного управления не в одной Византии».

В работе Азаревича источник Византийского права подразделяется на светские и канонические, выделяются и так называемые номоканы, которые связывают между собой первые два вида источников. Примечательно, что Азаревич особо выделяет науку права и ее источники, не смешивая их с официальной законодательной деятельностью. Характеризуя отношения между церковью и светской властью, Азаревич подчеркивает следующую их особенность. «На Западе, — отмечает он, церковь была государством, тогда как на Востоке мы замечаем совершенно обратное явление, а именно: двор и государство светское приобретает характер доминирующий».

В 1880 году в Ярославле публикуется три лекции Д. И. Азаревича, прочитанные «в пользу недостаточных студентов Демидовского юридического лицея» на тему: «Античный мир и христианство». Азаревич, будучи убежденным в том, что христианство оказало огромное влияние на всю современную культуру, показывает, каким образом происходило его постепенное сближение с религиозными верованиями античной эпохи. Опровергая ошибочное мнение, будто бы античная религия к моменту принятия христианства потеряла народное уважение, ученый приводит многочисленные факты языческого богочитания. «В

массах народных, — пишет Азаревич, — религиозное чувство проявлялось с особенной силой». Наряду с этим античный мир, несмотря на развитый в нем политизм, стремился к единобожию, часты были попытки поставить одного бога выше остальных. Древние греки, к примеру, первое место среди остальных богов отдавали Зевсу, и это подтверждает тезис о том, что монотеизм не был чужд и античной религии. «Народный дух, — подчеркивает ученый, — подчеркивает всемирного владычества, освобожденный из рамок узкого национального существования, должен был стремиться к созданию мировой религии, а это стремление необходимо обуславливает переход от чистого политизма к монотеизму». Азаревич убедительно доказывает, что христианство не отвергалось, а поддерживалось государственной властью. Так, римский император Александр Север поставил в своем домашнем сакральном кругу как статуями Аполлона, Орфея, Авраама и Христа. Он имел намерение построить храм Христу и принять его в число римских богов. Толчком для перехода от политизма к монотеизму послужило смешение богов в античную эпоху. Часто все божественное уже обозначалось одним словом. Так, высшая из божеств, первая дочь времени Изиды мисновалась Юноной, Церерой, Артемидой, Венерой, Гетамой, Нимезидой, Минервой.

Д. Азаревич затрагивает в лекциях вопрос о нравственном и объединяющем народами начале христианства. Религии, в которых проповедовалась жестокость, насилье, исключительность одного народа, его превосходство над остальными, не могли претендовать на мировое признание. Это положение автор распространяет и на современный ему мир. «Едва ли правы немецкие ученые, — отмечает Азаревич, — когда в своем национальном тщеславии считают германцев тем избранным народом, который Господь избрал своим органом обновления человечества...»

Рассматривая христианство с двух точек зрения, как религиозно-догматическое и как нравственное учение, Азаревич показывает, что благодаря последнему оно становится со временем мировой религией. Античный мир воспринял христианство не сразу. В нем действовали различные флюи, противостоящие друг другу. С одной стороны, этот мир характеризовался как бесчеловечный, эгоистический, где положение рабов, пленных, иностранцев, бедных было крайне печальным. Бедность не могла ожидать помощи, по словам Ювенала, а только презрения. С другой же стороны, духу христианства соответствовали некоторые философские учения античности. Это нравственные начала стоицизма, учение неоплатоников. И как заключает Азаревич, «античная мысль сама дошла до начал нравственности».

Однако гуманистическая философская мысль не могла серьезно поколебать основы житейской морали античного мира. Христианская религия в этом отношении добилась большего.

Перу Д. Азаревича принадлежит также интересное исследование, опубликованное в 1877 году в Ярославле — «Прекариум по римскому праву». В этой работе автор анализирует один из институтов римского права, который долгое время стоял особняком по отношению ко всему праву.

Важным вкладом в педагогическую науку явился университетский курс лекций Азаревича по римскому праву.

С. ЕГОРОВ,
Н. ЦЕРЕБАКОВА,
кандидаты юридических наук.

ЯРОСЛАВСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Римское право в трактовке

Д. И. Азаревича

валось выбором в сенаторы, а не первоначальным происхождением от высшей касты. Оно даже сводится к народной воле, как к его источнику. Патриции часто назывались словами, выражающими понятие власти. Таким образом, выводы Д. И. Азаревича, полученные весьма оригинальным путем, вполне можно считать достигнутым в развитии науки римского права».

Помимо ответа на основной вопрос исследования, книга содержит немало интересного материала об устройстве государственной власти и управлении Рима, об отношении древнеримского общества к плебсу. Автор описывает противоречивый характер римского общества. За борьбой между патрициями и плебеями кроется иное противостояние сил. Если, по словам Полибия, в Риме существовало полное уравновешивание властей: сенат представлял аристократию, магистратура — империю, народные собрания — демократию, то Д. Азаревич рисует иную картину, где на одной стороне авторитет сената, а на другой — бесправие народа. «Смысл всей государственной римской империи, — указывает он, — заключается в противоположении сената партии народа. Полная победа одной из сторон вела к единовластной деспотии». Сенат — душа республики, и в то же время Азаревич приводит факты привилегированного положения сенаторов, которым император Клавдий запретил браки с плебеями и занятия торговлей, чтобы не порочить происхождения. Сенаторы выделялись от остальных золотыми колчатами и т. д.

Сильной властью обладала и магистратура, что выражалось в давлении на народ с первых лет республики. В ответ начались народные волнения, масса римского населения делает выход на священную гору. С этого и началось, как отмечает автор книги, «противоположение еще бесправного народа власти... и в общем и во всех частных фактах вся республиканская борьба сводится к постепенной выработке народного суверенитета и в той же мере к падению значения официальной власти». И далее: «В общем результате до сих пор сказанного мы полагаем, что ни одна из главных отраслей государственного управления не принадлежала первоначально народному

источнику права, второй — историю «не одного гражданского права», а всего греко-римского права». Азаревич обращается к сложной и малоисследованной в науке проблематике. «Задачи нашего исследования, — отмечает он, — познакомить в более или менее полном очерке со всеми результатами, добытыми до последнего времени в науке византийского права, и тем облегчить его дальнейшую разработку всякому русскому, который пожелал бы очистить русскую науку от уприска в пренебрежении к той отрасли правоведения, на разработку которого он не только обязуется исторически, но имеет преимущество «нравственно». Необходимость обращения именно отечественных исследователей к византийскому праву Азаревич выводит из того обстоятельства, что оно оказало огромное влияние на формирование права России, а кроме того, у русских ученых есть особое преимущество: они обладают «сравнительно большими средствами, ...пользуясь источниками древнеримского права, имея в будущем развитии изучение славянских законодательств, уже владея несколькими трудами по армянскому, грузинскому и т. п. правам...» По убеждению Азаревича, византийское законодательство послужило образцом для создания права многих самостоятельных государств, как бы продолжаясь в их жизни. «Действительно, — отмечает он, — на греко-римском, а не на чисто римском праве построены были законодательства современной Греции, восточных греков, Грузии, Армении, славянских народов». Подчеркивая громадную роль, которую Византия сыграла в развитии права и нравственности Руси, Азаревич продолжает: «У нас византийское влияние должно было сильно отразиться на всем развитии нашей гражданственности... В частности, на юридической практике Древней Руси это влияние должно было отразиться уже потому, что греческое каноническое право тесно примыкало к гражданскому...»

По мысли ученого, правоявление психологической жизни народа, которое характеризует всю его историю, поэтому греко-римское право несет на себе, в отличие от западного римского права, особый отпечаток, в силу чего оно и называется византийским. «Под греко-римским или византийским правом, —

«В

ПОЭЗИЯ И ПОЭТЫ

Бальмонт и Дальний Восток

К. Д. БАЛЬМОНТ — талантливый поэт и переводчик — был тесно связан с Ивановской областью и Ярославским краем. Родом из наших мест была его мать, переселившаяся позднее в г. Шую Владимирской губернии, где в 1867 году родился будущий поэт. В Ярославле в 1890 году он, учившийся некоторое время в Демидовском лицее, издал свою первую книгу стихов и переводов. Позднее он дружил с видными ярославцами, в частности с известным издателем К. Ф. Некрасовым, племянником великого поэта, переводил для него прозу и стихи ряда европейских писателей. В 1919 году в Ярославле Бальмонт выпустил свою юбилейную книгу, посвященную здесь немалый успех — сборник стихов «Ясень». Вот как он сам писал о ней: «... Она является завершающим звеном длинной цепи, возникшей ровно двадцать пять лет назад в Ярославле».

В прошлом году вышел в Верхне-Волжском издательстве большой том избранных произведений Бальмонта, совпавший по времени со столетием выхода в нашем городе его первой книги.

В «Северном рабочем» в июне 1987 года был опубликован очерк доцента Ярославского университета А. Г. Чукарева о жизни и творчестве Бальмонта в Ярославском крае. Сейчас мы публикуем его работу о последнем путешествии Константина Дмитриевича, много путешествовавшего по свету, на Дальний Восток.

Думается, что малоизвестные страницы жизни поэта будут с интересом прочитаны многими.

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затасканой печали,
Безвыходность горя,
Безгласность,
Холодная высь, уходящие дали,
Приди на рассвете на склон хосогоора,
Над забкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно,
И сердце не радо...

Кто из читающей публики в России не знал и не повторял этих хватающих за сердце мелодичных, певучих строчек, звучащих почти революционно в изысканной под гнетом самодержавия стране. Взятые они из стихотворения «Беззлагодность», автором которого является К. Д. Бальмонт. Им восхищались многие передовые писатели, деятели культуры, А. П. Чехов писал «поэту-декаденту»: «Вы знаете, я люблю Ваш талант, и каждая Ваша книга доставляет мне немало удовольствия и волнения. Это быть может от того, что я консерватор». Бальмонтом восхищались поэты и художники разных лагерей. Вот несколько примеров: «поэт бесценный» (А. Блок), «блестящий поэт» (В. Маяковский), «огромный талант» (Луначарский), «поэт подлинный, первоклассный» (В. Иванов), «От Бальмонта уцелело немало... но то, что уцелело, воистину превосходно» (О. Мандельштам), «Большой, конечно, поэт, но раб слов, опьяняющих его» (М. Горький). Эта подборка выска-

зываний, приведенная в статье Вл. Орлова, опубликованной как предисловие к одноименнику К. Д. Бальмонта в «Большой библиотеке поэта» свидетельствует о том огромном впечатлении, произведенном творчеством поэта на его современников.

Нам же хочется рассказать еще об одной черте личности Константина Дмитриевича. Уже с конца 90-х годов образ жизни Бальмонта ставился почти кочевым, лиху его биографы. «Бальмонт путешествовал больше, чем все русские писатели вместе взятые», — писал по этому поводу В. Иванов.

Последнему его туре по стране посвящен очерк.

К. Д. Бальмонт был неутомимым тружеником. Куда бы он ни ехал, ни плыл, он брал с собой большое количество книг — на самых разных языках. Их он знал 16. Куле вагона, номер гостиницы, где он останавливался, сразу же превращались в его рабочий кабинет, где он трудился, не щадя своих сил.

В период путешествия по Сибири и Дальнему Востоку вот уже несколько лет Бальмонт напряженно работал над переводом на русский язык поэмы великого грузинского поэта Руставели «Витязь в тигровой шкуре». С этим замечательным произведением он познакомился в 1912 году в прозаическом его переводе на английский язык, сделанном Марджори Скотт Уардлом.

На Дальний Восток К. Д. Бальмонт прибыл в апреле 1916 года. Константин Дмитриевич посетил Николаев-Уссурийск, выступил во Владивостоке, совершив поездку в Хабаровск.

Выходящая во Владивостоке газета «Дальний Восток», редактируемая ярким монархистом В. Пановым, 10 апреля 1916 года опубликовала развязный фельетон под заголовком «Господин Бальмонт», в котором издательский писала о музе поэта, пытаясь возбудить ненависть у слушателей к стихам и лекциям К. Д. Бальмонта.

Монархические газеты не могли простить Константину Дмитриевичу его позиции в период первой русской революции 1905—1907 годов. Бальмонт в то время сотрудничал в большевистской газете «Новая жизнь» в Петербурге, редактируемой В. И. Лениным, в «вольной» сатирической печати. Он встречается с Горьким, квартира которого была одним из мест, где собирались революционеры, чувствует себя заодно с восставшими, носит в кармане револьвер. После поражения восстания рабочих Москвы, понимая, что может быть арестован, Бальмонт покидает Россию, уезжает в Париж, где прозидит семь лет в «красной» эмиграции.

Иную позицию по отношению к поэту заняла демократическая печать. В номере от 13 апреля 1916 года дан отчет с первого вечера его поэзии. «На редкость неудачно выбранное время, — сообщала газета (во Владивостоке давала спектакли театральная труппа Гр. П. Ге, прибывшая из Петербурга — А. Ч.), — не помешало довольно значитель-

ному количеству публики явиться в зал Коммерческого училища послушать К. Д. Бальмонта, самого выдающегося современного поэта, образцы творчества которого давно представлялись в хрестоматиях».

«Тех, кто хоть слегка был знаком с чисто волшебным творчеством поэта, — пишет далее газета «Далская окраина», — Константин Дмитриевич очаровал гармоничной, оригинальной читкой, к дефектам которой скоро привыкаешь». У него был тихий голос, но когда Бальмонт говорил о поэзии, великому Руставели читал свои стихи, переводы, все менялось.

Его вторая лекция, осыпанная бисером цитат и ссылок на Руставели, Кюмона, Блаженного Августина, Веды, поэзию маорийцев, Фрезера, Тейлора, Кальдерона, Гейдберга, Платона, Сократа, арабских и персидских поэтов, французских и провансальских трубадуров, древнеитовские сказания — была посвящена отражениям в мировой поэзии любви и смерти.

В перерывах между лекциями и вечерами поэзии Константин Дмитриевич много работал, удивляясь по его словам, работой, как вином. Во Владивостоке он продолжал оттачивать некоторые песни «Витязя в тигровой шкуре». Здесь же он закончил большое предисловие к поэме. Об этом говорит тот факт, что в 1917 году в Москве в издании Сабашниковых были выпущены отдельной книгой 1—8 и 47 песни поэмы. Предисловие к ней помечено: «Владивосток, 1916.IV.24». Продолжает во Владивостоке трудиться поэт и над новыми переводами.

«Далская окраина» 24 апреля опубликовала в его переводе десять японских 31-сложных пятистрочных стихов — «Танка».

В дни пребывания Бальмонта на Дальнем Востоке мировая общественность отмечала 300-летие со дня смерти В. Шекспира. В связи с этим Британская академия наук обратилась к находящемуся во Владивостоке поэту с предложением принять участие в издании по этому случаю академией сборнике изящной литературы и поэзии. Из Владивостока К. Д. Бальмонт послал в Англию очерк о Шекспире — «Гений всеобъемлющего сердца» и два сонета: «На отмени времени» и «Всеобъемлющий», опубликованные с разрешения автора в «Далской окраине». «... Слава тем на земле, — писал в очерке Бальмонт, — кто соединяет в душе своей влияние всех голосов неба и земли, чтобы одеть их в волнистые одежды стиха, и отдать ряды этих певучих, красивых призраков людям. Среди этих творцов наивысшая слава нежному и могучему всеобъемлющему гению Англии Шекспиру...».

Мечтой поэта было посещение Японии — страны Восходящего Солнца.

В конце апреля К. Д. Бальмонт на паровозе «Хозан-Мару», отходящем от Коммерческой пристани Владивостока, отправляется в Японию. Редакция московской газеты «Русское слово» попросила его написать об этой стране несколько очерков.

На Коммерческой пристани Владивостока Константин Дми-

триевич в беседе с репортером «Далской окраины» сказал, что намеревается посетить Токио, Никко, Нару и через Нагасаки морем добраться до Китая, а оттуда поехать в Пекин, а затем через Калган по железной дороге и дальше на верблюдах добраться до русского города Кяхты.

«... Не успел Бальмонт въехать в столицу Японии, как со всех сторон его начали осаждать представители японской прессы, молодые поэты, редакторы журналов, переводчики и фотографы. Все они желали так или иначе запечатлеть в своей памяти встречу со знаменитым русским поэтом. Целый вечер и все утро последующего дня Константин Дмитриевич не кладал рук, писал автографы, вел трудные, утомительные под час, разговоры со слабо понимающими русский и английский языки репортерами...».

В этом огромном интересе японцев к знаменитому поэту, писала газета, было много трогательного, а главное, совершенно неожиданного для К. Д. Бальмонта. Менее всего рассчитывал он встретить такое радушие, такой энтузиазм в стране, где казалось бы он мог пройти совершенно неизвестным и незамеченным...

В беседе с одним из профессоров русской литературы при Токийском университете выяснилось, что японская интеллигенция не только знакома с русскими классиками, но не менее хорошо знакома она и с современными писателями России. Наиболее популярны тогда в Японии были Толстой, Достоевский, Беллинский, наиболее любимыми современными поэтами были Бальмонт и Мережковский...

В одной японской книге о русской литературе, подаренной профессором Сюму Бальмонту, были 23 его стихотворения, взятые частью из сборника «Будем как солнце», частью из разных журналов. В честь Бальмонта в столице Японии состоялся большой литературный банкет.

В Японии Бальмонт изменяет свое первоначальное решение отпраться пароходом из Нагасаки в Китай и вновь во второй половине мая возвращается во Владивосток. Газета «Далская окраина» публикует в номере от 22 мая его стихотворение «Самурай», навеянное поэту встречей с Японией, ее средневековыми рыцарскими преданиями и песнями.

Во владивостокском клубе «Чашка чая» он в последний раз выступает. В первой части этого вечера Константин Дмитриевич говорил о поэзии Ш. Руставели, своем переводе «Витязя в тигровой шкуре», Грузинское землячество во Владивостоке преподнесло ему за ознакомление русских читателей с творчеством великого сына Грузии приятный адрес и подарки. Одним из них была большая серебряная панка с изображением богатыря и надписью: «В знак искренней признательности и глубокого уважения певцу-поэту К. Д. Бальмонту». Вторым — золотая ручка в форме древнего гусяного пера, наподобие того, каким писал свою поэму Руставели. Надпись на перу гласила: «Дорогому певцу-поэту К. Д. Бальмонту. Вл-ок, об-во Грузии. Май 20 дня. 1916 года».

Во второй части вечера Бальмонт говорил о своих японских впечатлениях. Начал он с чтения цикла своих «японских» стихов.

И вновь Бальмонт остается Бальмонтом, оторванным от реальности. Японка в стихах Бальмонта предстает окутанной мистической тайной, неуловимой изменчивости, она — призрак и, следовательно, одна из составных элементов того фантастического мира, которым жил Бальмонт.

Впечатления поэта о самой Японии оказались самыми восторженными. Позднее в очерке «Огненные лестницы», посвященной этой стране и ее поэзии, он писал: «Много излюбленных судьбою я видел благославенных уголков земли. Много раз, в путях, я был счастлив на далеких живописных островах, или в горном уюте солнечных стран. Но ни где я не испытал того, что в Японии. Несколько недель счастья, в храме сказочной красоты и ни одной минуты испорченной, ни единого мгновения, чем-нибудь затемненного».

Давая отчет и оценку последнему выступлению поэта, репортер «Далской окраины» писал, что «впечатления поэта о Японии оказались очень красочными, но быть может, лишенными реальности, современности. Они лишены временной типичности. Стихотворения «Япония», «К Японии», «Самурай» навеяны больше мечтами о Японии далекого прошлого чем наблюдениями современности. Поэт живет миром иллюзий».

22 мая 1916 года Бальмонт дал прощальный концерт во Владивостоке. Тепло простившись с горожанами, он отбыл в Петербург. Возж по Сибири и Дальнему Востоку, продолжавшийся три месяца, закончился. Он вновь подлил интерес к творчеству поэта, укрепил его всероссийскую славу.

Не приняв Октябрьскую революцию, Константин Дмитриевич в 1920 году отбыл в свою последнюю, на сей раз уже «белую» эмиграцию, покинув Россию по литовской визе, выхлопотанную ему поляком-поэтом Ю. Балтрушайтисом, его верным другом. Не приспособленный к жизни, поэт испытывал во Франции тяжелую нужду. Временами его охватывало настоящее отчаяние, смерть казалась единственным выходом из нищеты, пустой сутолоки эмигрантского бытия. 24 декабря 1942 года Бальмонт скончался в приюте «Русский дом» под Парижем и был похоронен на французском кладбище. За гробом его шло всего несколько человек.

После этого потребовалось более четверти века, чтобы поклонники поэта могли вновь в 1969 году увидеть его стихи в «Большой библиотеке поэта». Почти полвека (48 лет) ждали любители поэзии в Ярославле, городе, где вышла его первая книга, чтобы здесь вновь издали его стихи И вот они появились на прилавках магазинов. Следует отметить, что это издание не залежалось на полках. Интерес к личности Бальмонта — поэта и переводчика — в нашем крае достаточно велик.

А ЧУКАРЕВ,
доцент кафедры политической истории Ярославского госуниверситета.